

Тэффи
Бродессер-Акнер

ФЛЕЙШМАН В БЕДЕ

Лонг-лист Национальной
книжной премии США

18+

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

современной
отношения

полов

Однажды утром Тоби Флейшман проснулся в городе, где прожил всю свою взрослую жизнь, но лишь недавно выяснил, что здесь полно женщин, которые почему-то вождедеют его, Тоби. Причем не каких попало женщин, а самоактуализированных, независимых, знающих, чего хотят. Женщин, уверенных в себе, не виснувших на мужчинах, не страдающих комплексом неполноценности, в отличие от девушек, которые были доступны ему в давно прошедшей юности. «Доступны» в данном случае означало, что он считал их теоретически доступными, при желании, тогда как они не достаивали его даже взглядом. Нет, теперь его домогались женщины самостоятельные и целеустремленные, и притом свободные. Они интересовались им и интересовали его, возбуждались им и возбуждали его. То были женщины, которые не выжидали, пока мужчина позвонит им, как положено, день, два или три спустя после знакомства, а сами слали ему фото своих интимных мест на сутки раньше. Женщины без комплексов, раскованные в постели, умеющие сказать, чего хотят и что им нужно. Женщины, употребляющие выражения вроде «раскрыть все карты», «секс без обязательств» и «давай по-быстроу, мне еще

забирать Беллочку с балета». Женщины, которые трахаются так, будто они тебе деньги должны (как выразился наш общий друг Сет).

Да, кто бы мог подумать, что у Тоби Флейшмана (возраст — сорок один год) телефон будет светиться с утра до вечера (ночью свечение было особенно ярким) от эсмэсок со стрингами, ложбинками меж ягодиц и меж грудей, грудями в ракурсах снизу, сбоку и спереди и всеми прочими частями женского тела, которые Тоби даже не надеялся когда-либо увидеть в трехмерном варианте — трехмерном в том смысле, что владелица этих частей не изображена на бумаге или на компьютерном экране. А ведь юность Тоби прошла под знаком неудач в любви! А ведь он уже пошел ва-банк, сделав ставку в сумме всей своей жизни и свободы на одну-единственную женщину! Кто мог такое предвидеть? Кто бы мог подумать, что жизни еще будет так много?

И все же, поведал он мне, ему приходилось нелегко. Рэйчел исчезла, и ее исчезновение странно мешало тому, что он планировал раньше. Дело не в том, что он ее до сих пор хотел. Он ее совершенно не хотел. Он вовсе не мечтал, чтобы она по-прежнему была рядом. Но дело было в том, что он так долго ждал, пока выдохнутся ядовитые пары его брака, занимался оформлением бумаг, долженствующих освободить его от уз, объяснял всё детям, съезжал с квартиры, рассказывал коллегам, — что совершенно не задумывался, какой будет жизнь по ту сторону. Конечно, он в общем и целом понимал, что такое развод. Но пока

не привык к деталям: рядом в кровати пусто, никто не предупреждает, что пора выходить, а иначе опоздаешь, и вообще ты ничей. Сколько времени прошло, пока он привык разглядывать фото женщин на своем телефоне — фото, присланные женщинами *добровольно и охотно*, — прямо, а не украдкой, воровато? Ну да, это случилось быстрее, чем он думал, но все-таки не сразу. Определенно не сразу.

За время их брака он даже не взглянул на другую женщину, так влюблен был в Рэйчел. Так влюблен он был в институт брака и в любой другой общественный институт или систему. Он серьезно, целенаправленно пытался спасти отношения с женой, даже когда любому разумному человеку уже было ясно, что их взаимное несчастье — не просто очередная фаза. Тоби верил, что труд по спасению семьи — благородный труд. Страдание очищает. И даже когда он понял, что все кончено, еще несколько лет у него ушло, чтобы убедить Рэйчел: так нельзя дальше жить, они слишком несчастны вместе, они оба еще молоды и могут построить новую, счастливую жизнь с кем-нибудь другим. Но даже тогда он ни разу, ни на миллиметр не поглядел налево. В основном, рассказывал он, потому, что был слишком занят собственным страданием. В основном потому, что все время чувствовал себя совершенно ужасно, а человек не должен чувствовать себя совершенно ужасно все время. Более того, когда человек чувствует себя ужасно, ему не следует испытывать сексуальную неудовлетворенность. Сочетание сексуальной неудовлетворенности

и низкой самооценки, казалось ему, участь потребителей порнушки.

Но теперь он больше не обязан хранить верность кому-либо. Рэйчел уже не было рядом с ним. Ее не было в кровати. Ее не было в ванной, где она с точностью робота-артроскопа наносила бы жидкий контур на стык века и ресниц. Она не уходила в спортзал и не возвращалась из спортзала в менее паршивом настроении — ненамного, самую чуточку менее паршивом. Она не просыпалась среди ночи, жалуясь на бездонную пропасть бесконечной бессонницы. Она не посещала родительские собрания в школе, куда ходили их дети, — расположенной на Вест-Сайде, очень частной и дорогой, но одновременно каким-то образом демократичной и прогрессивной, — и не сидела там на низком стульчике, выслушивая список новых, гораздо более серьезных требований, которые будут предъявлены к несчастным детям в этом году. (Впрочем, она и раньше почти никогда не ходила на родительские собрания. В эти дни она задерживалась на работе или ужинала с важным клиентом — то, что она именовала «работать на совесть», если не хотела обидеть Тоби, и «работать твоим спонсором», если хотела.) Итак, ее не было рядом. Она была в совершенно другом жилище, где когда-то жил и Тоби. Каждое утро эта мысль на миг обессиливала его: он ударялся в панику. Первое, что мелькало у него в голове после пробуждения, было: «Что-то не так. Случилась какая-то беда. Я попал в беду». Он сам настоял на разводе, и все же: «Что-то не так. Случилась беда. Я попал

в беду». И каждое утро он стряхивал с себя эту мысль. Напоминал себе, что произошедшее — «в порядке вещей», «естественно» и «нормально». Рэйчел теперь и не должно быть рядом с ним. Она должна быть в другой квартире, ее собственной, гораздо лучше этой.

Но и там ее не оказалось — во всяком случае, сегодня утром. Тоби узнал об этом, когда потянулся к новой прикроватной тумбочке из ИКЕА и взял оттуда телефон, чье пульсирующее присутствие ощутил еще за несколько минут до официального открытия глаз. В телефоне обнаружилось семь или восемь новых сообщений, в основном от женщин, что писали ему через приложение для знакомств, но Тоби сразу перепрыгнул взглядом на сообщение от Рэйчел, где-то в середине списка. Оно будто светилося иным светом, чем те послания, что содержали части тела и фрагменты кружевного белья; оно притягивало взгляд гораздо сильнее. Эсэмэска была отправлена в пять утра. В ней говорилось:

Уезжаю на выходные в «Крипалу». Имей в виду, дети у тебя.

Ему пришлось прочитать это два раза, чтобы смысл до него дошел. Тоби выскочил из постели, не обращая внимания на эрекцию, которая теперь его не смущала — ведь он знал, что его телефон ломится от новых картинок, есть на что подрочить. Он выбежал в коридор и удостоверился, что дети в самом деле у него и спят, каждый в своей спальне. «Имей в виду, дети у тебя»? «Имей в виду»?! Это «Имей в виду» было явно добавлено потом,

для проформы. Оно было излишним. Оно было совершенно несущественным. А существенно было то, что Рэйчел сбросила детей на Тоби вне расписания, в отсутствие договоренности, под покровом ночной темноты, воспользовавшись ключом, который был ей дан на случай настоящей чрезвычайной ситуации.

Он вернулся к себе в спальню и позвонил бывшей жене.

— О чем ты вообще думала? — прошипел-прошептал он в телефон. Шипение-шепот ему пока не очень давалось, но с каждым днем получалось все лучше. — А если бы я куда-нибудь ушел, не заметив, что дети у меня?

— Именно поэтому я послала тебе эсэмэску, — ответила Рэйчел. На его шипение-шепот она обычно отвечала закатыванием глаз и возмущительно беспечным тоном.

— Ты их после полуночи привезла? Потому что я лег спать в двенадцать ночи.

— Я их завезла в четыре. Мне нужно было вовремя попасть на программу. Там внезапно освободилось место. Занятия начинаются в девять утра. Тоби, сделай мне одолжение. У меня сейчас трудный период. Мне нужно хоть какое-то время для себя.

Как будто теперь все ее время не принадлежало исключительно ей самой.

— Рэйчел, ты не имеешь права проделывать со мной такие штуки.

Теперь он произносил ее имя только в состоянии крайнего раздражения. *Рэйчел.*

— Почему? В эти выходные дети все равно должны быть у тебя.

— Да, но только с утра субботы! — Он потер двумя пальцами переносицу. — Выходные начинаются в субботу. Ты сама установила это правило.

— А что, у тебя были другие планы?

— О чем ты вообще? Рэйчел, а если бы вдруг пожар? Что если бы меня срочно вызвали к пациенту и я бы уехал, даже не зная, что дети тут?

— Но ведь ты не уехал. Извини, ты хочешь сказать, что я должна была тебя разбудить и сообщить, что привезла детей?

Он представил себе, как она его будит, и понял, как непоправимо это помешало бы ему привыкнуть к пробуждению без неё.

— Ты вообще не должна была их привозить!

— Ну, если то, что ты говорил вчера вечером, — правда, ты должен был этого ожидать.

Тоби напряг еще сонные мозги, припоминая последний неприятный диалог, и воспоминание пронзило его внезапным чудовищным ужасом. Рэйчел болтала какую-то чепуху о том, что открывает филиал своего агентства на Западном побережье, потому что еще недостаточно загружена и не окончательно зашивается с работой. Если честно, все это было как в тумане. Разговор закончила она, это он помнил, — кричала на него сквозь рыдания, так что он ничего не мог разобрать, и вдруг в телефоне наступила мертвая тишина, и он понял, что Рэйчел бросила трубку. Так теперь заканчивались их разговоры — в противовес прошлому, когда Тоби машинально извинялся. Ему всю жизнь

твердили, что любовь — это когда тебе не приходится извиняться. Но на самом деле необходимость извиняться отпадает только после развода.

— Тоби, пойми, я оказалась в сложном положении, — говорила в это время Рэйчел. — Я понимаю, что это очень рано. Но тебе надо только отвести их в лагерь. А если у тебя уже другие планы на выходные, то вызови Мону. Почему мы вообще это обсуждаем?

Ну как она не видит, что это вовсе не мелочь?! У него и правда назначено свидание сегодня вечером. Он не хотел оставлять детей с Моной — это Рэйчел, а не он, считает Мону универсальным решением всех проблем. До Рэйчел, кажется, никак не дойдет, что он — живой человек, а не мигающий курсор на экране, повинующийся командам. Что он продолжает существовать, даже когда не находится в одной комнате с ней. Он не мог понять, какой смысл был заключать соглашения, если она даже не притворяется, что их соблюдает, и не извиняется, когда их нарушает. Он дал ей ключ от своей новой квартиры не для того, чтобы она вытворяла такие штуки, а для того, чтобы хоть как-то подтвердить: да, они разошлись полюбовно. Полюбовно. Вы когда-нибудь замечали, что это слово используется только для описания конфликтов? Может, его поэтому и используют только для конфликтов — не хотят пачкать им другие, нормальные отношения. Так слово «злокачественный» употребляют только для описания рака, хотя, по идее, оно годится и для других вещей.

Дети зашевелились, просыпаясь. Ну и ладно. Стояк у Тоби все равно уже опал.

Солли, его девятилетний сын, проснулся, но одиннадцатилетняя Ханна заявила, что хочет еще полежать.

— Прости, малыш, не получится, — сказал Тоби. — Нам выходить через двадцать минут.

Дети побрели в кухню, не открывая глаз, а Тоби принялся рыться у них в сумках в поисках вещей, которые следовало надеть в дневной лагерь. Ханна огрызнулась на него за то, что он выбрал неправильный наряд — легинсы, которые предназначались на завтра. Тоби подал ей крохотные красные шорты, и она выхватила их с неудержимой злобой — она явно не привыкла как-то себя ограничивать в проявлении эмоций. Потом она раздула ноздри, сжала губы и тем не менее как-то умудрилась сообщить, что он должен был купить «Корнфлекс», а не «Корн-чекс». Подтекстом шло: «За что мне выдали такого безмозглого кретина в качестве отца?!»

Солли, напротив, бодро съел свой «Корн-чекс», закрыл глаза и помотал головой от удовольствия:

— Ханна! Очень вкусно! Ты только попробуй!

Тоби уже дошел до того, что был благодарен сыну за это жалкое выражение солидарности. Солли понимал. Солли знал. Солли был *его* до такой степени, что Тоби и в голову не приходило усомниться, стоило ли вообще заводить детей. В Солли, так же как и в Тоби, жила внутренняя потребность, чтобы все было хорошо. Солли хотел,

чтобы вокруг все было мирно — точно так же, как его отец. Они и внешне были похожи. Те же черные волосы, те же карие глаза (хотя у Солли глаза были чуть крупнее, и потому казалось, что он все время чем-то напуган), тот же нос в форме запятой, та же миниатюрность — это не значит, что оба были коротышками, они были невысокого роста, но сложены пропорционально. Не чрезмерно хрупкие, так что, увидев их отдельно от окружающих предметов, не в масштабе, нельзя было догадаться об их росте. И это было хорошо, потому что малорослым людям и так приходится трудно. Но вместе с тем это было плохо, потому что люди, увидевшие тебя не в масштабе, сначала думают, что ты выше, а потом их постигает разочарование.

Ханна тоже была *его*, только у нее были прямые светлые волосы Рэйчел, ее же узкие голубые глаза и острый нос — лицо в целом выглядело обвиняющим, совсем как у матери. Но еще она обладала особым сарказмом Флейшманов. Во всяком случае, когда-то обладала. Разъезд родителей, кажется, убил в ней желание шутить и зажег злобу. Впрочем, это случилось бы так или иначе — либо потому что родители слишком часто и слишком яростно ссорились, либо потому что она входила в подростковый возраст и злобу вызывало буйство гормонов. А может, потому что у нее не было телефона, а у Лекси Леффер был. А может, потому что у нее был аккаунт на фейсбуке, которым ей разрешалось пользоваться только с общего компьютера в гостиной. А ей этот фейсбук был даже и не нужен, фейсбук — это для старикашек. А может, потому

что отец предложил купить кроссовки, которые выглядели точно как «Кедс», но стоили на двенадцать долларов дешевле и отличались только отсутствием голубой штучки сзади, и вообще, как насчет противостояния разнузданному потребительству? А может, потому что по радио передавали печальную песню о давно ушедшей любви, имевшую для Ханны особое значение, а отец попросил ее сделать потише, поскольку ему как раз позвонили из больницы. Или потому что потом она заставила его послушать эту песню, чтобы объяснить, почему та имеет для нее особое значение, а Тоби, прослушав песню, так и не понял, как Ханна может тосковать по ушедшей любви, когда у нее даже бойфренда еще не было. А может, потому что он как-то засомневался, не слишком ли коротка у нее юбка и не очень ли задирается, когда Ханна садится. А может, потому что он как-то засомневался, не слишком ли коротки у нее шорты, если из-под них видна складочка под ягодницей и подкладка карманов длиннее самих шорт. А может, потому что он спросил, где ее расческа, тем самым, разумеется, намекая, что ее волосы выглядят ужасно. А может, потому что она *не же-ла-ла* смотреть «Принцессу-невесту» или любой другой из его стариковских фильмов. А может, потому что однажды он в порыве нежности взъерошил ей волосы, погубив идеальную прическу, которую она укладывала целых десять минут. А может, потому что она *не же-ла-ла* и читать «Принцессу-невесту» или любую другую из его стариковских книг. Почему-то ненависть и презрение Ханны

к родителям, направленные на них обоих, были кое-как выносимы, но направленные на одного Тоби — совершенно его уничтожали. Он не знал, приберегает ли Ханна хоть часть этого презрения для матери. Он знал только, что при взгляде на него глаза дочери, цвета озерной воды, сужаются еще сильнее, превращаясь в лазеры, нос каким-то образом еще больше заостряется, а губы сжимаются так сильно, что белеют.

Они черепашьям шагом выдвинулись в направлении дневного городского лагеря. Дети были усталые и раздражительные, потому что не выспались (видишь, Рэйчел? Видишь?).

— Я ненавижу лагерь, — сказала Ханна. — Можно я просто побуду дома?

Она мечтала поехать в настоящий лагерь, загородный, с ночевками, на все лето, но на октябрь была назначена ее бат-мицва, и весь июнь и июль ей нужно было готовиться к чтению гафтары.

— Осталась всего неделя. Одно-единственное занятие.

— Я хочу сегодня уехать.

— Может, давай я тебе отдельную квартиру сниму на это время? — спросил Тоби. Хотя бы Солли засмеялся.

Они наконец добрались до Культурного центра еврейской молодежи на Девяносто второй улице. Там уже толклись матери в ярких узорных легинсах и футболках с надписями вроде «ЙОГА И ВОДКА» или «1. ЕСТЬ 2. СПАТЬ 3. СПОРТ-ЗАЛ 4. ПОВТОРИТЬ». Здешний дневной лагерь стоил почти столько же, сколько загородный

с проживанием, и еще Ханна все время спрашивала, нельзя ли ей вместо посещения лагеря стать помощницей вожатого. Но в помощники вожатого брали только начиная с десятого класса.

— И даже тогда это стоит денег, — сказал Тоби, ознакомившись с веб-сайтом Культурного центра. — Не понимаю, почему я должен платить за твою учебу на помощника вожатого, если тебя уже будут эксплуатировать как настоящего помощника вожатого?

— А почему ты должен был платить за учебу на врача, когда тебя уже эксплуатировали как настоящего врача? — парировала Ханна. Тоби вынужден был признать, что в ее словах есть определенная правда. Он тогда подумал, что девочка умненькая, и еще — что ему не хотелось бы служить мишенью для этого ума. Ему казалось, что дочь становится таким человеком, быть которым очень нелегко.

Они успели с запасом минут в шесть. Лагерь ежедневно вывозил детей на весь день за город, в Пэлисейдс, а тем, кто опоздал к отъезду, приходилось весь день сидеть в четырех стенах с малышами. Тоби предложил проводить Ханну в класс, но она отказалась, и тогда он повел Солли в его класс. Он понаблюдал, как сын участвует в последнем на это утро эксперименте со слайдами, и уже собирался уйти, как вдруг услышал свое имя.

— Тоби, — произнес низкий, с придыханием, женский голос.

Он обернулся и увидел Сынди Леффер, хорошую подругу Рэйчел. Дочь Сынди была ровесницей

Ханны. Сынди потратила секунду на подробный осмотр. Ах, вот оно что! Тоби знал, что будет дальше. Наклон головы в двадцать градусов, преувеличенно оттопыренные губки, брови приподняты.

— Тоби, я все время собиралась с тобой связаться, — произнесла Сынди. — Мы тебя теперь совсем не видим.

На ней были бирюзовые лайковые легинсы с рисунком из когтистых фиолетовых лап на верхней части бедер, словно по ногам карабкались фиолетовые тигры, пытаясь забраться в промежность. И майка с надписью «ГАНГСТЕРЫ ДУХА». Тоби вспомнил, что как-то говорила Рэйчел: родители, меняющие в именах дочерей букву «и» на «ы», лишают их всяких надежд на успех в нашем обществе.

— Тоби, *как* ты вообще? Как *дети*?

— Ничего, — ответил он. Он попытался держать голову прямо, не имитируя позу Сынди, но потерпел неудачу — слишком развиты у него были зеркальные нейроны. — Справляемся. Но, конечно, наша жизнь сильно изменилась.

Он заметил, что Сынди красит волосы по новой моде — корни темные и постепенно светлеют к концам. Но темная часть была слишком темной, как у молодой женщины, и по контрасту со лбом этот цвет лишь подчеркивал дряблость кожи. Тоби вспомнил физиотерапевтшу, с которой переспал несколько недель назад. Хоть она и была ровесницей Сынди и красила волосы так же, но оттенок у корней был теплее и смотрелся естественнее.

— Наверно, у вас давно были трудности? — спросила Сынди. Дженни, вспомнил он. Физиотерапевтшу звали Дженни.

— Ну, мы разошлись не под влиянием минуты, если ты об этом.

Тоби и Рэйчел разъехались в самом начале июня, сразу после окончания школьных занятий. Это стало завершением процесса длиной почти в год. А может, процесса, который начался сразу после свадьбы, четырнадцать лет назад. Смотря кого спросить или как посмотреть. Если брак распадается, значит ли это, что он был обречен с самого начала? Когда брак можно считать распавшимся — когда начинаются неразрешимые проблемы, или когда супруги наконец соглашаются, что эти проблемы неразрешимы, или когда об этом в конце концов узнают другие люди?

Конечно, Сынди Леффер жаждала вытянуть из него информацию. Этого жаждали все. Диалоги были всегда безыскусные и всегда одни и те же. Первым делом люди спрашивали, как давно дела пошли плохо. Был ли ты уже несчастен на том вечере в школе, когда демонстрировал свое танцевальное искусство — свинг, которому научился в кружке танцев еще в университете? Был ли ты уже несчастен в день той бат-мицвы, когда во время длинных речей рассеянно поцеловал ей руку? А на том родительском собрании, когда ты стоял возле стола с кофе, а она — возле учительской, проверяя сообщения в телефоне, верно ли я догадалась, что вы поссорились? При виде супружеской пары с проблемами окружающие сразу

наостряли уши; они откровенно осведомлялись обо всем, о чем только можно было осведомиться. Шерри, кузина Тоби, у которой была привычка кидать долгие разочарованные взгляды на своего мужа, Рона: «А вы не пробовали семейную терапию?» Начальник Тоби, Дональд Бартак, женившийся вторым браком на медсестре из отделения гепатологии: «Ты ей изменял?» Директор дневного лагеря в еврейском центре, выслушав объяснения Тоби о том, что у его детей сейчас трудное время из-за разъезда родителей: «А у вас был выделенный вечер для свидания друг с другом?»

Эти вопросы на самом деле были не о Тоби. Они были о том, насколько люди видят, что происходит рядом, сколько всего они не замечают, кто еще скоро объявит о разводе и существуют ли в собственном браке собеседника некие подводные течения, которые и его в конце концов погубят. Мы страшно поссорились с женой прямо в годовщину свадьбы — значит ли это, что мы разведемся? Может, мы слишком часто спорим? Хватает ли нам секса? Не занимаются ли сексом все остальные супружеские пары гораздо чаще нас? Может ли развод случиться через полгода после того, как ты рассеянно поцеловал руку своей жене на бат-мицве? «Слишком несчастен» — это какое именно количество несчастья?

«Слишком несчастен» — это какое именно количество несчастья?

Рано или поздно Тоби перестанет быть свежеразведенным мужем, но этих вопросов он не забудет никогда. Не забудет, как люди спрашивали,

якобы проявляя сочувствие к нему, а на самом деле тревожась о собственном будущем.

Начало лета прошло как в тумане. Он пытался обрести равновесие в этом незнакомом мире, где его жизнь буквально во всех аспектах чуточку — и в то же время колоссально — изменилась. Он по-прежнему спал, но один и в другой кровати. Он ужинал с детьми, как всегда, — Рэйчел уже много лет не возвращалась в будни раньше восьми-девяти вечера, — но после ужина отводил их на старую квартиру и шел пешком девятнадцать кварталов до своей новой. Пройдоха Дональд Бартак сказал Тоби, что его, Бартака, повышают до главврача по внутренним болезням и что он выдвигает кандидатуру Тоби на должность заведующего подразделением гепатологии в отделении гастроэнтерологии. Это случится, как только нынешняя заведующая гепатологией, Филиппа Ландон, перейдет на освободившееся место Бартака. У Тоби не нашлось никого, кому первому он хотел бы поведать эту новость. Он подумал, не позвонить ли мне или Сету, но это выглядело как-то очень жалко — неужели у него нет нормальных близких людей? Он чуть не позвонил своим родителям в Лос-Анджелес, но из-за разницы во времени там сейчас было пять утра. Потом он стал решать, следует ли сообщить эту новость Рэйчел. (Он ей сказал, но потом, когда отводил детей, и она улыбнулась одними губами. Она больше не притворялась, что интересуется его карьерой.)

Но сейчас, в конце июля, когда лето приближалось ко второй базе, Тоби снова ощутил землю

под ногами. По крайней мере, он выработал четкий распорядок. Он делал успехи. Он адаптировался. Он привык готовить на троих, а не на четверых. Он учился говорить «я» вместо «мы», когда его приглашали на барбекю и коктейли, что случалось нечасто. Он снова стал ходить на долгие прогулки и научился отгонять мысль, что должен кому-то сообщать, куда идет и когда вернется. Да, он определенно делал успехи, кроме вот таких моментов, как сейчас, в разговоре с Сынди. Раньше он был для всех Сынди мира сего все равно что муха на стене; побочное явление своей семьи, муж преуспевающей Рэйчел, отец общительной Ханны или симпатичного Солли, или «эй, вы ведь доктор, не посмотрите, что это у меня тут такое вскочило?». А теперь он стал отдельным человеком, и люди по правде хотели с ним разговаривать. В результате развода он каким-то образом обрел душу.

Сынди дожидалась его ответов. Она обшаривала глазами его лицо — так актеры, играющие в мильной опере, смотрят друг на друга за миг до рекламной паузы. Он знал, чего она от него ждет. Он работал над собой, чтобы не кидаться каждый раз заполнять эту паузу; работал над тем, чтобы ответственность за дискомфорт от паузы легла на того, кто его допрашивает. Карла, его психотерапевт, старалась научить его сосуществовать с некомфортными чувствами. Он, в свою очередь, старался научить тех, кто выкачивал из него информацию, сосуществовать с некомфортными чувствами.

Но было и еще кое-что. Невозможно говорить о разводе и не рассказывать ужасные вещи про

своего бывшего или бывшую. А Тоби не хотел этого делать. Он ощущал странную потребность — вести себя дипломатично. Школа была полем битвы, и он знал, что проще простого будет перетянуть людей на свою сторону. Он знал, что мог бы рассказывать про неуравновешенность Рэйчел, ее вспышки гнева, истерики, нежелание участвовать в жизни детей. Он мог бы говорить вещи вроде «Вы ведь наверняка заметили, что она никогда не ходит на родительские собрания». Но не хотел. Он не хотел портить имидж Рэйчел в школе — мешал инстинкт защитника, от которого Тоби до сих пор не избавился. Да, она чудовище, но ведь она всегда была чудовищем, она — *его* чудовище, ведь пока что на нее не заявил права никто другой, пока развод не был завершен официально и она все еще преследовала Тоби, как призрак.

Сынди сделала шаг к нему. При его росте — всего пять футов пять дюймов¹ — она была на целую голову выше и притом слишком худа для любой женщины вообще. Лицо с крупными чертами до отказа напичкано ботоксом и гиалуронкой. Заботу и беспокойство о Тоби она выражала, качая головой из стороны в сторону и преувеличенно пуча губы. Выразительность лица Сынди слегка страдала из-за полной неподвижности лба — он был такой все время, сколько Тоби ее знал. Когда она была счастлива, ее лицо выглядело точно так же.

— Мы с Тоддом очень расстроились, когда услышали, — сказала она. — Если мы можем чем-нибудь помочь... Мы ведь и *твои* друзья тоже.

¹ 165 сантиметров. *Прим. ред.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

